

Хворова Людмила Евгеньевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного «Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина», г. Тамбов
Ludmilaxvorova@mail.ru

Худяков Сергей Сергеевич,

кандидат юридических наук, профессор, директор Института филологии «Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина», г. Тамбов
ssh.tmb@mail.ru

Истоки формирования идеи «белого движения» в русской литературе (по материалам сборника «Отчизна» 1919 года, Симферополь, Крым) [1]

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы интерпретации «Корана» в поэзии А. С. Пушкина. Рассмотрены основные подходы к указанной проблеме, сформировавшиеся в науке. Поставлен вопрос о взаимосвязи проблемы ислама в мировой литературе на примере сопоставления поэзии А. С. Пушкина и И. В. Гете.

Ключевые слова: духовная основа, евангельская символика, восточные мотивы, интерпретация Корана, «западно-восточный диван», Гете, эпистолярный жанр.

Раздел: (05) филология; искусствознание; культурология.

Проблема так называемого «белого движения» в литературе на сегодняшний день представляется далеко не разработанной.

В основном, когда речь идет об этом, имеются в виду некие «союзы», «общества», «объединения», приближенные, скажем так, к конкретному, хорошо внедренному в общественное сознание политическому амплу. Что касается осмысления этой проблемы в литературоведческом ранге, то она достойна глубокого и всестороннего изучения, как представляется, на уровне, в том числе и серьезных научных изысканий. Во всяком случае, прочно укоренившиеся в практике советской, да и постсоветской литературоведческой науки деления имен писателей на резко непримиримые, противоположные кланы «сочувствующих», «принявших» или «не принявших» советскую власть, кажутся в аспекте данной проблематики, мягко говоря, наивными и даже вредными, поскольку они опять-таки уводят рассуждения в политическую плоскость. И происходит в конечном итоге то, что мы имели в 1990-годы, когда «покинувшие» страну деятели культуры, представлялись чуть ли ни самыми что ни на есть истинными патриотами России, а «оставшиеся» в голодной, разоренной, несчастной стране, напротив, с легкой руки историков литературы, приобрели постыдный и бесславный, а в худшем случае чуть ли ни предательский ярлык «сговоровившихся» с большевистской властью.

Впрочем, данные критические наблюдения допустимы в нашем конкретном случае не в адрес когда-то уехавших, эмигрировавших из страны зачастую не по своим личным причинам, а в подавляющем случае вопреки им, а тех, кто привык без особых церемоний и кропотливых исследовательских порывов, в духе модных идеологических установок (как это было принято и широко распространено в практике советского литературоведения), до сих пор разводить писателей по разным баррикадам, держа, может и интуитивно, в подсознании все же если не политическую, то идеологическую мысль, тормозя тем самым очень желательную для настоящего времени тенденцию к осмыслению целостности литературы XX столетия.

Между тем высказанное в преамбуле соображение наводит на размышление о том главном, что, в конечном счете, определяет специфику так называемого «белого движения» в литературоведческой и если угодно, культурно-философской системе координат. На наш взгляд, это, прежде всего, ключевые вопросы духовно-нравственного, социального, исторического толка. Самым принципиальным представляется то, что без погружения в атмосферу тех лет, когда оно зародилось и бытовало (а это, прежде всего, конечно, разгар, кульминация – период гражданской войны – границы, кстати, тоже необходимо осмыслить), в них не разобраться. На это есть много причин, и они не только литературоведческого, но и, как уже говорилось, исторического, культурологического плана. Сложность изысканий сопряжена еще и с тем, что данная тема более семидесяти лет была под запретом. В силу этого многие источники, представляющие собой бесценный фактический материал, на сегодняшний день безвозвратно утеряны, как, в частности, и тот, о котором пойдет речь ниже.

Одним из центров Белого движения в разгар Гражданской войны был, как известно, Крым. Ему суждено было стать таким местом в силу многих причин как геополитического, географического, так и чисто литературного характера. Судьба целого ряда русских писателей была связана с этим уникальным во всех отношениях местом, поэтому логически объективно, объяснимо то, что именно там стал выходить сборник под весьма характерным и многое объясняющим названием «Отчизна». Имена тех писателей, о которых шла речь в преамбуле, объединились на его страницах, связанные общим горем, кое они именовали «гибелью России». «Отчизна», «гибель России», «А где же Россия?» – такие определения красноречиво свидетельствовали о трагичности, катастрофичности восприятия всего происходящего, а также о высокой гражданской позиции тех, кто участвовал в его создании. Есть основания полагать, что большая часть тиража «Отчизны» не вышла, и он стал библиографической редкостью практически сразу.

Итак, на страницах сборника были опубликованы произведения В. Короленко, К. Тренева, С. Сергеева-Ценского, И. Шмелева и ряда публицистов. Как очевидно современным литературоведам, эти имена далеко не всегда воспринимались в связке, а в советском литературоведении они были разведены по разные стороны баррикад и вовсе не потому, что кардинально изменили свои убеждения, а в основном по той причине, что им навязали те критерии, каким они должны были следовать. Альтернатива – высылка из страны или расстрел. В данный сборник вошел и рассказ С. Н. Сергеева-Ценского под названием «Смесь», написанный в декабре 1918 года, в период Антанты в Крыму. В 1926 году в журнале «Новый мир» вышла новая редакция этого произведения, против воли автора существенным образом измененная.

Рассматриваемая нами редакция, определяла, между тем, пафос сборника, фокусировала и художнически осмысливала те ключевые проблемы, которыми болели ее авторы. Отставной капитан Коняев воспринимает происходящие военные и революционные события как окончательную утрату «русской сущности», утрату национального достоинства и как гибель России. Россия представляется герою «домом сумасшедших». В сумасшедший дом попадает и Коняев; ему кажется, что он неудержимо катится вниз и туда же катится вместе с ним Россия.

Стремясь к объективности на его языке и беспартийности, Сергеев-Ценский все же не мог избежать некоторых весьма острых характеристик, которые были восприняты современниками, а также большей частью литературоведов как некий пасквиль на революционные события и коммунистические идеи. В повести писатель создает, к примеру, саркастические образы трех сумасшедших коммунистов, которые олицетворяют подобие комьячейки в психиатрической больнице.

Такое откровенно острое саркастическое изображение грядущих последствий грозных современных событий было снято редактором журнала «Новый мир» В. Полонским во второй редакции рассказа, опубликованной в 1926 году. Таким образом, из повести была изъята финальная глава, и произведение осталось логически незаконченным. Если бы изменения были осуществлены по воле автора, то он естественным образом откорректировал бы и весь текст, а так произведение просто лишилось финала. Советскую редакцию естественно не устраивал и финальный риторический вопрос: «А где же Россия?» Впоследствии рассказ снова купировался, а с собрание сочинений Сергеева-Ценского он уже вошел под ничего не значащим названием «Капитан Коняев» и, разумеется, в виде «одинокое» этюда к эпосе «Преобразование России». Цикл «Крымские рассказы» никогда не был опубликован в виде цикла, как замысливал писатель по причине все той же беспощадной советской цензуры.

Повесть связана с остальными произведениями, входящими в сборник «Отчизна», единой идеей и содержанием. Все его авторы были буквально потрясены теми обстоятельствами, в которых оказалась страна в эти годы. Как своего рода дополнение, «расшифровка» содержания повести Сергеева-Ценского воспринимаются публицистические статьи С. Елпатьевского «Как это случилось?» и В. Мякотина «Возрождение России».

Авторы, с одной стороны, констатируют факт, что России, в которой они жили, больше нет (что перекликается с финальным вопросом повести и настроениями Сергеева-Ценского), с другой – пытаются анализировать, что произошло и почему это произошло. Поскольку, как мы уже сказали, сборник имел единую идею, очень интересно обратить внимание на содержание этих статей. Сделать это необходимо, поскольку в них фактически «расшифровывается» истинный, прежде всего духовно-нравственный смысл катастрофы, а отнюдь не националистический и чуть ли ни шовинистический, как писали на каком-то этапе советские критики об уже изрезанном и беспощадно купированном «Капитане Коняеве».

Содержание этих статей позволяет не только понять адекватно повесть Сергеева-Ценского, но и прояснить в какой-то степени подлинную сущность «белого движения» в литературе.

Итак, что же больше всего угнетает авторов?

Первое и самое главное – развал страны; развал России как единого государства: «России – той России, в которой мы жили еще недавно, с которой так или иначе, теми или другими нитями связано было существование каждого из нас, – России, как единого государства, сейчас нет. Пережитый нами год был годом распада русской государственности и вместе годом распада самой России. И как далеко продвинулся этот двойной процесс, так глубоко зашел этот распад, что многим казалось и кажется, будто Россия окончательно исчезла, окончательно и бесповоротно похоронена историей».

Второй важный момент, который акцентирует Елпатьевский, почему тысячелетняя Россия так мгновенно развалилась: «Как же случились гибель родины, разрушение государства, позор, грязь и кровь, что заливают Россию от края до края? Почему революция чуть не на другой день после радостного и светлого освобождения от старого режима приняла такое гибельное направление?» И почему все это так быстро случилось? «Как могло случиться, что тысячелетнее государство огромное, казавшееся непреодолимо могучим, развалилось так быстро, как картонный домик?»

Автор не просто ставит вопросы, а аргументировано пытается на них ответить, и вот их содержание как раз и обнаруживает, на наш взгляд, истинный смысл идеологии «белого движения». Как и авторы художественных произведений на страницах

этого сборника, публицисты видят существо трагедии в потере духовно-нравственных начал в обществе, в утрате личного и национального достоинства. Выродилась не только власть, но и вера, национальная идея (вспоминается полусумасшедший Коняев), разрушено соборное (духовно-православное) единство нации. «Старая власть давно перестала быть хранительницей национальной идеи, национального чувства». Она фактически скомпрометировала себя «беззаконием и произволом изнутри, варварским угнетением народностей – вплоть до насильственного обращения в христианство, до запрещения молиться на родном языке». Попутно заметим, что последнее не было свойственно самой природе Православия.

Важную причину развала государства авторы видят и в отсутствии уважения к закону: после отмены крепостного права самоуправление было дано населению, но не взято им. Процветание взяточничества – «взятка... голая, нагая, неприкрытая взятка – недаром называлась она русской конституцией – пронизала всю жизнь – сверху донизу. Не стыдно было давать взятку, не стыдно было и принимать взятку».

Продолжая размышления Ф. М. Достоевского, а вслед за ним и Сергеева-Ценского, автор подчеркивает, что воровство было распространено не только в России, но и в западных странах, однако самое главное – «нигде оно так не прощается, не считается мало зазорным делом, как в России – воровство вверху и внизу. И здесь дело идет не только о краже чужой собственности и расхищении государственного имущества, (...), а прежде всего об отсутствии чувства собственного достоинства, о неуважении к себе, о покрытии полупрощением со стороны населения факта всякого воровства». Показательной художественной иллюстрацией к данным умозаключениям выглядит «рассказ - воспоминание» Сыромолотова – старшего, героя романа Сергеева-Ценского, посвященного первой мировой войне «Утренний взрыв» о случившемся задолго до войны «кажется, в Тамбове». Художник рассказывает, как губернатор и местный пристав организовали ограбление приезжего ювелира, причем, это было не просто ограбление, а вооруженное нападение с шантажом и угрозами. Через несколько дней после этого события бриллианты, привезенные им для продажи, уже красовались на теле губернаторши и жены пристава.

Очень существенным обстоятельством автор, как и Сергеев-Ценский, считает и то, что изменилась лексика, она фактически разобщила народ. На бесплодную почву «упали слова частные, разделяющие и разъединяющие – национальные, классовые, групповые, профессиональные слова, и не звучали слова общие, широкие, соединяющие, слова государственные, ко всей России относящиеся». Звучали слова солдатские, крестьянские, рабочие, бесчисленных союзов (...). Не громко и не ясно выговаривали «русский», «русское», и громко разносились слова «интернационал», «человечество», и интернационалистические слова покрывали собой русские слова». И случилось так, пишет автор, что «русский народ отвернулся от государства и легко перешагнул через родину, отечество, в неведомые страны интернационала». Бытовали и были широко распространены такие суждения: «Ну, что же! Заберут японцы Сибирь, – не хуже будет жить, чем под Россией». Эти рассуждения Елпатьевского переплетаются опять-таки с размышлениями Сергеева-Ценского из повести «Чудо», где народ с ужасом воспринимал приход большевиков, и, наоборот, ждал немцев, как освободителей.

В унисон с художественными размышлениями Сергеева-Ценского из романов о первой мировой войне «Пушки выдвигают» и «Пушки заговорили», авторы статей размышляют и о развале армии: «напрасны были все указания на то, что во время войны нельзя в корне перестраивать всю военную организацию государства. Нацио-

нальные государства возникли и существуют на территории прежней России, но существование их, можно сказать, призрачно, в нем очень мало реального и очень мало устойчивого и прочного», потому что «их создала не внутренняя мощь национального движения, а посторонняя сила, сила Германии, и создала, конечно, в своих собственных интересах». Та же посторонняя сила определила и границы этих «национальных государств» – Украины, Литвы, Латвии, привела их к тому, что они «менее всего остались независимыми. Созданные внешней чужеземной силой, они на деле и попали в полную зависимость от этой силы. Они встали также и перед опасностью, которую не воспринимали всерьез – утраты связи с общерусской культурой».

Главное зло авторы статей и сборника в целом видят в поведении большевиков, «неуклонно идущих к личной диктатуре, поддерживаемой против народных масс наемной армией, возведенным в систему кровавым террором». Россия уже не могла противостоять революции просто потому, что ее больше не было: «Перед развертывающейся революцией Россия встала с малой гражданственностью, без навыков борьбы, без планомерной государственной мысли, с расшатанным, поблекшим национальным чувством, с ослабевшим патриотизмом. И только с одним ярким и определенным – с великой неправдой русской жизни». Русские добровольно отказались быть русскими.

Примечательно, что авторы статьи, как и авторы художественных произведений, опубликованных на страницах сборника, не воспринимают большевиков как представителей власти и государства. Они видятся как «варвары и разрушители, разбойники», несущие произвол, горе и усугубляющие развал страны. Резкая непримиримость, отторжение, невозможность даже гипотетически представить себе приход к власти большевиков надолго – это очевидные черты представителей «белого движения» в литературе.

Поиск ответа на вопрос «А где же Россия?» не был чем – то оригинальным и абсолютно неожиданным. Еще в более страшном варианте – «Погибнуть ли России?» – на склоне лет позволил себе задать Н. С. Лесков («Отборное зерно»). Как убеждены исследователи творчества Лескова, что в полной мере относится и к разговору о писателях сборника «Отчизна», вопрос о судьбе страны напрямую был связан с вопросом о возможности и в трудные времена преодоления всеми и каждым ничтожного, пустошного духа циничной насмешливости, возвращением к началам исконной, народной, по сути христианской морали, объединения людей с «жизнеспособными сердцами». Чем более сумбурной и хаотичней становилась жизнь, теряющая свои высокие ориентиры, тем более очевидной становилась для писателей мысль о постулатах христианской этики. Другими словами, духовно-нравственная идеология «белого движения» сформировалась не вдруг; она, как и все аспекты, достойные внимания и изучения, подспудно возникала и проявила себя со всей очевидностью, как это и всегда бывает, в нужные времена. Невозможно было окончательно потерять веру. Авторы сборника не могли не быть убеждены, что люди высокого духа окажутся способны к единению друг с другом и в конце концов смогут противостоять суетной и лживой политике предрежающих властей, одичанию толпы, одухотворить «бездуховное» общество.

Подводя итог сказанному, необходимо выделить некоторые очевидные аспекты, как писателей, так и публицистов, придерживающихся схожих взглядов.

Итак, обращает на себя внимание их принадлежность к разным поколениям и возрастным группам. В. Короленко, например, признанный, знаменитый писатель, М. Булгаков – только входящий в литературу.

Восприятие революций в России (и февральской, и октябрьской) как великой национальной катастрофы, национальной трагедии, утраты чисто русской духовности.

Непримиримость и нежелание идти ни на какие компромиссы с устанавливающейся властью, резко негативный критический или же откровенно саркастический пафос в этом аспекте художественных произведений и публицистических статей.

Развитие «малых» жанров – рассказа, повести, драмы, памфлета, фельетона.

Дискретность, прерывность бытования, его нечеткие хронологические границы, отсутствие ярко выраженной литературной программы (как, например, у «пролеткультовцев» и других организаций противоположных ориентаций).

Акцентуация местнографического материала, стремление к художественному обобщению текущих современных, трагических событий первой мировой войны и революций зачастую по следам мгновенных впечатлений.

Некоторое различие во взглядах «уезжающих» и «остающихся»; резкая непримиримость у первых, признание того, что «России больше нет» без надежды на какое-либо позитивное продолжение исторических событий (к примеру, у И. А. Бунина) и обречение себя на терпение и признание окружающего как неизбежности с поисками путей для возрождения и преображения с некоторыми индивидуальными вариациями (С. Сергеев-Ценский, М. Булгаков, А. Ахматова, В. Короленко).

Расширение литературного пространства, начало формирования литературы русского зарубежья и так называемой «внутренней эмиграции» и, как представляется, тем самым пусть иллюзорное, но все же сохранение внутреннего единства русской литературы.

Ссылки на источники

1. Статьи С. Елпатьевского «Как это случилось?» и В. Мякотина «Возрождение России», о которых идет речь в статье, цитируются по данному изданию. Поскольку авторы статьи держали в руках его разрозненные и ветхие страницы, указать источники цитирования с их указанием не представляется возможным.

Ludmila Hvorova,

doctor of Philology, Professor, Head. Department of Russian as a foreign language, Tambov State University named after G. R. Derzhavina, Tambov
Ludmilaxvorova@mail.ru

Sergey Khudyakov,

candidate of jurisprudence, Professor, Director of the Institute of Philology of Tambov State University named after GR Derzhavina, Tambov
ssh.tmb@mail.ru

Sources of generating the idea of «white movement» in Russian literature

(on the materials of the transactions «Motherland» in 1919. Simferopol, the Crimea)

Abstract. The article deals with the problem of the so-called «white movement» in Russian literary criticism and the transactions «Motherland» issued during the civil war in Simferopol (The Crimea) being nowadays a bibliographical rarity. The authors analyze the questions of the civil war genesis, its reasons and origin and their reflection in the political journalism of that time.

Key words: spiritual foundation of the Gospel symbolism, oriental motifs, the interpretation of the Koran, «West-Eastern Divan» Goethe's epistolary genre.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г.Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

9 772304 120142

2 5